

Золя Эмиль

Воздержание

Эмиль Золя
Воздержание

1

Когда викарий в широком ангельской белизны стихаре взошел на кафедру, маленькая баронесса уже сидела с блаженным видом на обычном своем месте у отдушины жарко натопленной печки, перед приделом Святых ангелов.

Приняв подобающую благоговейную позу, викарий изящным движением провел по губам тонким батистовым платочком, затем развел руки, подобно крыльям готового взлететь серафима, и, склонив голову, заговорил. Сначала голос его звучал под широкими сводами церкви, как отдаленный рокот ручьи, как влюбленный стон ветра в листве. Но понемногу дуновение становилось сильнее, легкий ветерок превращался в бушующий ураган, и речь загремела мощными громовыми раскатами. Но даже среди самых страшных вспышек молний голос викария внезапно смягчался, и яркий солнечный луч пронизывал мрачную бурю его красноречия.

При первых же звуках шелестящего в листве ветерка на лице маленькой баронессы появилось то выражение сладостного восторга, какой должна испытывать особа с тонким музыкальным слухом, которая приготовилась наслаждаться тончайшими оттенками любимой симфонии. Она была восхищена нежной прелестью вступительных фраз; она с вниманием знатока следила за нарастанием грозových нот так умело подготовленного финала, а когда голос викария достиг наивысшей силы, когда он загремел, повторенный многократным эхом высокого нефа, баронесса не могла удержаться и, удовлетворенно кивнув головой, скромно пролепетала:

"Браво!"

Это было райское блаженство. Все святоши млели от удовольствия.

2

А викарий все говорил; музыка его голоса аккомпанировала словам. Темой его проповеди было воздержание, - викарий говорил о том, сколь угодно богу умерщвление плоти. Перегнувшись с кафедры, похожий на большую белую птицу, он вещал:

- Настал час, братья и сестры, когда все мы должны, подобно Иисусу, нести свой крест, надеть терновый венец, взойти на Голгофу, ступая босыми ногами по камням и колючим кустарникам.

Баронесса, видимо, сочла, что фраза очень приятно закруглена, она зажмурилась, и сердце ее сладко заныло. Симфония речей викария баюкала ее, и, слушая мелодичный голос, она погрузилась в полусон, полный интимных переживаний.

Напротив баронессы, в помещении для хора, было высокое окно, серое и мутное. Очевидно, дождь еще не прошел. Милое дитя - она приехала послушать проповедь в такую ужасную погоду. Пожалуй, ради веры можно и пострадать немного. Кучер баронессы промок до костей, и сама она, выскочив из кареты, слегка замочила ноги. Впрочем, у нее была превосходная карета - закрытая, вся внутри стеганая, настоящий альков. Но как скучно смотреть из мокрого окна на вереницу озабоченных людей, бегущих по тротуарам с раскрытыми зонтами! И она подумала, что в хорошую погоду она приехала бы в виктории [открытый четырехколесный экипаж]. Это было бы куда веселей.

В сущности она очень боялась, как бы викарий не поспешил окончить проповедь: придется

тогда ждать экипажа, - ведь не станет же она месить грязь в такую погоду. Она рассчитывала, что у викария никак не хватит голоса на прочтение двухчасовой проповеди, если он будет продолжать в том же духе; а ее кучер запоздает. Это беспокойство слегка портило ей благочестивое настроение.

3

Викарий вдруг выпрямился; гневно встряхивая головой, выбрасывая вперед кулаки, как бы стараясь освободиться от мстительных демонов, он гремел:

- И горе вам, грешницы, если вы не омоете ног Иисуса душистой влагой угрызений вашей совести, ароматным елеем вашего раскаяния. Внемлите же мне и с трепетом падите ниц на голые камни. Придите и покайтесь в чистилище, открытом церковью в эти дни всеобщего сокрушения; сотрите в прах плиты пола, бия челом, побледневшим от воздержания; терпите голод и холод, молчание и тьму - и вы заслужите в небесах прощение в лучезарный день торжества!

При этом страшном взрыве благочестия баронесса забыла о своей тревоге и медленно кивнула головой, как бы соглашаясь с разгневанным священнослужителем. Да, она должна взять в руки прутья, укрыться в темном, сыром, холодном углу и там бичевать себя - в этом для нее не было сомнений.

Затем она снова углубилась в мечты, замерла в блаженном состоянии умиленного восторга. Ей было так удобно сидеть на низеньком стуле с широкой спинкой, протянув ноги на вышитую подушку, чтобы не чувствовать холодных плит пола. Запрокинув голову, баронесса любовалась церковью, ее высокими сводами, где клубился дым ладана, глубокими нишами, наполненными таинственной тенью, чудесными видениями. Неф с золотыми и мраморными украшениями, обтянутый красным бархатом, похожий на огромный будуар, освещенный мягким светом ночника, полный волнующих ароматов и как бы предназначенный для неземной любви, чаровал ее своим сиянием. То был праздник чувств. Все ее прелестное пухленькое существо плавало в блаженстве, а самое большое наслаждение доставляло ей сознание, что она такая маленькая и так безмерно счастлива.

Не отдавая себе отчета, она, однако, больше всего радовалась теплу от отдушины, которое забиралось ей под самые юбки. Маленькая баронесса была очень зябкой. Струйка теплого воздуха ласково бежала вдоль ее шелковых чулок. И сон обволакивал ее в этой расслабляющей ванне.

4

Гнев викария все еще был в полном разгаре. Он погружал своих духовных дочерей в кипящую смолу преисподней.

- Истинно говорю вам: если до вашего слуха не доходит глас божий, если вы не внемлете моему голосу - голосу самого бога, в один прекрасный день вы услышите, как кости ваши захрустят от смертной муки, почувствуете, как плоть ваша будет жариться на раскаленных угольях, и тогда тщетно будете вы молить: "Пощади, господи, пощади, каюсь!" Господь бог безжалостно низвергнет вас в геенну огненную.

Последние слова вызвали трепет в аудитории. На губах маленькой баронессы, которую усыпляло тепло, проникавшее во все ее существо, мелькнула чуть заметная улыбка. Маленькая баронесса была хорошо знакома с викарием. Накануне он у нее обедал. Викарий обожал паштет из лососины с трюфелями, а любимым вином его было помарское. Он безусловно красивый мужчина, лет тридцати пяти или сорока, брюнет; а круглое и розовое лицо викария легко можно принять за веселое лицо служанки с фермы. К тому же викарий - человек светский, любитель покушать, да и за словом в карман не полезет. Женщины обожали его, баронесса была от него без ума, ведь викарий говорил ей удивительно сладким голосом: "Ах, сударыня, перед таким

туалетом, как у вас, не устоял бы и святой".

Но сам-то он умел устоять; он обращался так же любезно с графиней, с маркизой, с другими своими духовными дочерьми и был баловнем всех дам.

Когда викарий приходил по четвергам к баронессе обедать, она не знала, куда его усадить, чтобы на него не подуло, - ведь он мог схватить насморк, или чем его накормить, - ведь неудачный кусок неминуемо вызвал бы у него несварение желудка. В гостиной кресло его стояло у камина, за столом слугам был отдан приказ особо следить за его тарелкой, наливать только ему особое вино - помарское двадцатилетней давности, которое он вкушал, благоговейно закрыв глаза, словно принимал причастие.

Викарий был так добр, так добр! Пока он вещал с высокой кафедры о хрустящих костях и поджаривающейся плоти, маленькая баронесса в полудремоте представляла викария за своим столом: он блаженно вытирал губы и говорил; "Дорогая баронесса, этот раковый суп снискал бы вам милость бога-отца, если бы ваша красота уже не обеспечила вам место в раю".

5

Когда викарий излил весь свой гнев и исчерпал все угрозы, он принялся рыдать. В этом заключался его обычный прием. Над кафедрой видны были только его плечи, он стоял чуть не на коленях, затем, то вдруг поднимаясь, то снова поникая, словно подавленный горем, вытирал глаза, комкая накрахмаленный муслин воротника, протягивая руки, сгибался вправо, влево, принимал позы раненого пеликана. Это был последний букет, заключительный аккорд большого оркестра, волнующая сцена развязки.

- Плачьте, плачьте, - твердил он угасающим голосом, проливая слезы, плачьте о себе, плачьте обо мне, плачьте о господе боге.

Маленькая баронесса, казалось, спала с открытыми глазами, она словно оцепенела от жары, ладана, наступающей тьмы. Она сжалась в комок, она затаила в себе сладостные, полные неги ощущения и втихомолку мечтала о приятнейших вещах.

Рядом с нею в приделе Святых ангелов находилась большая фреска, на которой была изображена группа красивых молодых людей, полунагих, с крыльями за спиной. На лицах их застыла улыбка любовников, а их согбенные, коленопреклоненные фигуры, казалось, с обожанием взирали на невидимую маленькую баронессу. Какие красавцы, какие у них нежные тубы, атласная кожа, мускулистые руки! Один из них положительно напоминал молодого герцога де П., большого приятеля баронессы. В забытьи баронесса спрашивала себя, хорош ли будет герцог нагим, с крыльями за спиной. А минутами ей казалось, что большой розовый херувим одет в черный фрак герцога. Затем сновидение становилось явственнее, это и вправду был герцог; нескромно одетый, он посылал ей из темноты воздушные поцелуи.

6

Когда маленькая баронесса очнулась, она услышала торжественные слова викария:

- Да пребудет с вами милость господня! Она сперва удивилась; она думала, что викарий скажет ей: да пребудут с вами поцелуи герцога.

С шумом отодвинулись стулья. Все стали уходить, маленькая баронесса угадала: кучер еще не ожидал ее внизу на лестнице. Черт побери викария! Он поспешил окончить проповедь, он украл у своих прихожанок по меньшей мере двадцать минут красноречия.

Баронесса с нетерпением ждала кучера. Стоя в боковом приделе, она вдруг увидела викария, стремительно выходящего из ризницы. Он смотрел на часы с видом человека, который не хочет опоздать на свидание.

- Ах, как я задержался, дорогая баронесса, - сказал он. - Меня, видите ли, ждут у графини. Там сегодня концерт духовной музыки, а затем ужин.